

К 100-летию со дня рождения

АЛЕКСАНДР БЛОК

Поэзия Александра Блока выдержала строгую и суровую проверку временем. Это она родила понятия — Россия Блока, эпоха Блока, понятия, не столько пространственно-временные, сколько духовные, воплощенные огромным социально-историческим и этическим содержанием. Величие и цельность натуры, мятежный и мужественный пафос, острое чувство неблагополучия, страстная жажда нового — все эти качества, присущие Блоку-человеку и Блоку-поэту, позволяют говорить о его творчестве как о крупнейшем явлении нашего столетия.

Великий лирик России

«...Душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души», — утверждал поэт. Он с трепетом всматривался в динамику своего творческого роста, чтобы в последние годы жизни удовлетворенно заметить: «Путь среди революций — верный путь». На долю Блока и его поколения выпали тяготы двух войн и пожары трех революций. Он прошел сложный путь от певца возвышенно-мечтательного, но отвлеченного идеала Прекрасной Дамы к принятию жизни во всей ее неустроенности и внутренней противоречивости. «Мы — дети страшных лет России — забыть не в силах ничего», — писал Блок, назвав один из центральных циклов своей зрелой лирики «Страшный мир». Сюда вошли стихи о враждебных силах нового «железного века», о прозе буржуазной цивилизации, об унижении и попрании человеческого достоинства. «Он был навздох — боль», — вспоминают люди, близко знавшие поэта.

Тем не менее трагический накал блоковской поэзии не имел ничего общего с плоским и бескарным пессимизмом. Хорошо понимая сложность бытия, Блок мужественно и твердо веровал в будущее. Не случайно свою лирику он назвал «тридцатилетним воеванием», в основе которой лежали сопротивление страшному миру, гордое противостояние ему, борьба за новую личность. «То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воли, которое носит имя человеческой души, именно от того носит это радостное... имя, что оно все обращено более к будущему, чем к прошедшему», — писал Блок и уже совсем по-горьковски провозгласил: «Человек — есть будущее». Для поэта не было ничего более неприемлемого, бессмысленного, морально несостоятельного, чем чувства благополучия и мешающей самоуспокоенности:

Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сплунуть в стуже лютой!
Уют — нет. Покой — нет.

Императивные волевые формулы, призванные возродить в личности внутреннюю стойкость и готовность к борьбе, звучат в его творчестве уверенно и активно:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,

Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...
Блок был связан с Россией, ее бедями и радостями внутренне — «природой, качеством и темой душевных переживаний».

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Блоковская поэзия близка нам острой нравственных поисков. Она воплощала собой беспокойную совесть русского писателя, унаследовавшего от Л. Толстого, Достоевского, Чехова внутреннюю потребность к разрешению вечных вопросов добра и зла, страдания и счастья народа. Категории памяти и долга, будучи основными в его творчестве, редко выделяли Блока предреволюционных лет на фоне замкнутого в круге субъективно-личных ощущений русского и европейского декаданта.

Самонаблюдение, самоуглубление, самообдумывание сочетались в блоковской лирике с пристальным вниманием к окружающему, прошлому и настоящему: к национальной истории (цикл стихов «На поле Куликовом») и к парадоксам европейского уклада жизни в целом (цикл «Итальянские стихи»). Позднее поэт имел все основания определить процесс своего поэтического становления как «переход от личного к общему».

Но более всего тревожил поэтическое воображение Блока образ живой, могучей и юной! страны — страны будущего.

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым: чтобы живая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью. Когда такие замыслы... бросаются бурным потоком — это называется революцией».

В Октябрьской революции блоковские пророчества получили самое яркое и естественное воплощение. Поэт одним из первых ощутил на себе мощь октябрьского мятежа. «Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами», — вспоминают друзья. Революция покорила его своим максимализмом, шквалом ненависти к сытому буржуазному быту, тем, что Блок называл «музыкальностью». Он ничего не смягчал и не приукрашивал, но пытался осмыслить революционное возмездие в его исторической справедливости и закономерности: «Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути?» И далее: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!». Итогом этих тревожных и мятежных первых лет новой эры явилась поэма «Двенадцать».

Карикатурные тени старого, воплощенные в образе «паршивого пса», двенадцать красноармейцев, идущих завоевывать «прекрасные века», разбитая чашка и боевой клич: «Революционный держите шаг!», страшное и святое — все дано в нерасторжимом единстве жизненных противоречий «неслыханных и нераздельных». Поставив точку, Блок записал в дневнике: «Сегодня я — ген!».

Эта поэма, как и все написанное поэтом, по справедливому замечанию К. Г. Паустовского, «не подчиняется законам брешности, законам тления и будет существовать... пока не исчезнет «чудо из боковых чудес» — свободное русское слово».

А. ЖАРАВИНА,
кандидат филологических наук.

Александр Блок

О, я хочу безумно жить:
Все सूще — увековечить,
Безличное — увечеловечить,
Несбывшееся — воплотить!
Пусть душит жизни сон
тажелкий,
Пусть задыхаюсь в этом
сне,
Быть может, юноша
веселый
В грядущем скажет
обо мне:
Простим угрюмость —
разве это
Сокрытый двигатель его!
Он весь — дитя добра
и света,
Он весь — свободы
торжество!

Александр БЛОК,
5 февраля 1914 года.

Хореографическая композиция по поэме А. Блока «Двенадцать» в постановке ленинградской труппы «Хореографические миниатюры».

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО.
Фотохроника ТАСС.

Блок и Менделеев

Две великие личности России — ученый Дмитрий Менделеев и поэт Александр Блок. У одного — химия элементов материального мира, у другого — «химия слов» (выражение И. Бунина). Они были связаны единым временем и родственными узами.

Семья Бекетовых, в которой воспитывался А. А. Блок, и семья Менделеевых соседствовали именами: у Менделеевых — Боблово, у Бекетовых — Шахматово. Главы семейств имели общие интересы как профессора Петербургского университета. Это были блестящие образованные семьи, причастные в равной степени к науке, литературе и искусству. В Шахматово прошли детство и юность поэта. Здесь пробудилась его поэзия. Здесь же он встретил будущую жену — дочь Менделеева, Любовь Дмитриевну. В Боблове его надолго захватило «святое чудовище», как он называл театр.

Закономерен вопрос, какое влияние оказали личность, идеи, взгляды и труды Д. И. Менделеева на жизнь и творчество А. А. Блока. Это влияние просматривается и отражается в публицистике поэта, его дневниковых записях, письмах и других документах.

Менделеев был близок к миру литературы и искусства. Он — яркий публицист и знаток живописи. По словам его сына, Менделеев «любил искусство, как и науку, которые считал двумя сторонами единого нашего устремления к красоте, к вечной гармонии, к высшей правде». В Боблове подолгу жили Репин, Кунин, Ярошенко, Шишкин, Крамской и другие известные живописцы. Ученый ценил реалистическую живопись художников-передвижников, публиковал рецензии на их выставки, мало того, был членом совета Академии художеств. Он был знаком с Тургеневым, Достоевским, Стасовым. Как и Блок, любил поэзию Майкова, Тютчева, Фета.

Менделеев для Блока — один из самых великих людей России. Значение его он сопоставлял со значением Льва Толстого. Он знал его как человека огромного общественного темперамента и независимых суждений, понимал его выдающуюся роль в развитии науки. Большое воздействие на Блока, особенно на его публицистику, оказали философско-социологические труды Менделеева, испещренные многочисленными пометками поэта. Идеи, взгляды ученого прямо или косвенно способствовали преодолению мистико-идеалистических настроений молодого Блока, укрепили его общественно-литературные позиции.

Менделеев строил грандиозные планы экономического переустройства России, как поэт, мечтал о счастливой ее будущности. Блока привлекают размышления ученого о путях промышленного развития страны, ее сельского хозяйства, о значении лесов, как «условия скопления правды». Темы промышленного возрождения России отразились в поэзии Блока (стихи «Новая Америка» и др.), в замыслах незавершенной драмы «Нелетящий человек». В набросках стихов из цикла «Ердина» звучат мотивы, которые могли быть названы книгой Менделеева «К познанию России»:

Твои болотистые топи
Обмачивы, как ты знала:
Там угля каменного копил,
Там — драгоценных камней тьма!
Слушишь ты горы золотые,
Ты дразнишь дивным мраком недр,
Россия, нищая Россия,
Твой голос звонен, взор твой щедр.

Смерть Менделеева потрясла Блока. Он осознает огромную потерю для России и много думает о Менделееве в последние годы, говорит о близости Менделеева и народу, упоминает его в периодической системе элементов рядом с «Войной и миром».

В годы стольпинской реакции Блок сумел вырасти в поэта, воодушевленно идеями гражданского долга и жизненной правды. Тему о целях литературы, о долге художника он ставит в статье «Три вопроса» (1908 г.): «Перед русскими художниками вновь стоит неотступно этот вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью». И далее: «К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге, о должном и недолжном в искусстве...» Таким образом, и в этом вопросе Блок следует путем, сходным с путем Менделеева, который постоянно ставил тот же вопрос — цели и народной пользы.

А. ШАМШУРИИ,
кандидат химических наук.

Для многих остается загадкой: как «эстет, символист, декадент» Александр Блок пришел к прославлению революции. И не абстрактной, а именно пролетарского переворота. Ведь он в известном ответе на анкету одной петроградской газеты в 1918 году заявил: «Может ли интеллигенция работать с большевиками? Может и обязана...» В разговоре с Горьким Блок сказал: «Большевизм — неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье...» В статье «Интеллигенция и

лигенция и революция» он заключил: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!».

Истинный талант требует доблести, без этого он вырождается в посредственность, в неудачника или «удачника», поднятого волной сиюминутных страстей. Не казаться, а быть — в этом Блок. Жизнь его героическая, ибо поэзия не добывает не из отвлеченных наблюдений, а из самого себя, если можно так выразиться, из самосожжения. И великие события истории проходят у него через самое интимное, личное, сопрягаются с собственной душой.

Как-то во время выступления Блока один из недоброжелателей бросил оскорбительную реплику о том, что поэзия его умерла и сам он — труп. Но послушайте, не сегодня ли, не сейчас ли написаны эти строки:

В последний раз —
опомнись, старый мир!
На братский пир
труда и мира,
В последний раз
на светлый братский пир
Съезжай варварская лира!

Время отпустило: Александр Александрович Блок — великий национальный поэт, сын своего времени, гордость и цвет народа. Без него трудно представить такое явление, как Маяковский, из него вырос и Есенин. Новаторская поэтика Блока, его интонация, его музыка звучат в советской поэзии, они отозвались во многих поэтах, хороших и разных.

В том-то и сила нашей революции, что она народна в самом широком смысле слова. К ней приобщили не только, по выражению Маяковского, «книжком шехт, заводов», а и через вершины мысли и чувства, ибо с ней — совесть и правда. Блок полной мерой прошел через лишения «военного коммунизма», через куплотничину, через скудные папки, всевозможные недоработки, связанные с недостаточной образованностью тех, от кого зависела публикация его произведений, с недоверием некоторых скороспелых малых «начальников», — тем более ценно его признание перед смертью: «Я думаю сейчас так же, как думал, когда писал «Двенадцать»...»

Нередко я вижу теперь юному ли девашку, склоненную над книгой Блока. Как они воспринимают его скорбную, до боли пронзительную музу? Что он высветляет в их душах? Кто они видят за строчками стихов? Существование на свете поэзии Блока делает для нас жизнь притягательнее, одухотворенней, богаче, выше.

Блок возмущает всякого кто к нему прикоснется. Достаточно проследить ниточку одной судьбы: в 1908 году к Блоку пришла его восторженная поклонница — пятнадцатилетняя Лиза Пилленко. Поэт долго беседовал с ней, спустя неделю прислал ей замечательное стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...», которое кончается такими строчками:

...И потому я хотел бы,
Чтоб вы влюбились
в простого человека,
Который любит
землю и небо
Больше, чем
рифмованные
нерифмованные
Речи о земле и небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как —
только влюбленный
Имеет право
не звание человека.

Прошли многие и многие годы. Эта девочка стала поэтессой Елизаветой Юрьевной Кузьминой-Караваевой, она написала с Блоке: «Хорошо, когда в мире есть такая... большая жизнь, большое внимание, большая обнаженная зрячая душа». Героиня стихотворения во время второй мировой войны сделала героиней французского Сопротивления. Она погибла в лагере Равенсбрюк в 1944 году, намеренно пошла в газовую камеру, спасая жизнь советской девушки...

Вслед за ней мы вправе повторить: «Хорошо, когда в мире есть такая... большая обнаженная зрячая душа». И она, эта душа, зовет к героическому и высокому.

Н. САВОСТИН.

Революционная октябрьская эпоха в России дала трех великих поэтов — Маяковского, Блока, Есенина. Было закономерно, что Маяковский стал автором «Оды революции» и «Летового марша». Можно было понять, почему Октябрьскую революцию приветствовал Есенин — сын крестьянина. Но Блок! Дворянин, утонченный лирик, и народная революция! Они считали, что Блок «просто ошибся». Другие — что, признав революцию, он будто бы в ней скоро разочаровался. Что знаменитые блоковские поэмы «Двенадцать» и «Возмездие» якобы не связаны с его основным творчеством, чужды ему. Эти мысли повторяют сегодня и некоторые зарубежные советологи. Кто же прав в этом споре? С большим художником можно беседовать и советоваться всегда. Поэтому лучшим судьей в споре о Блоке будет сам Блок. В предлагаемой «беседе» на вопросы, которые ставятся сейчас, в 1980 году, поэт отвечает словами своих произведений.

«ИНТЕРВЬЮ» С ПОЭТОМ

Вопрос: Ваша поэма «Двенадцать» посвящена революции и принята революционным народом. Но некоторые критики утверждали, что это произведение не характерно для Вашего творчества и слабее всего того, что Вы создали раньше...
Ответ: «Двенадцать» — такие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью... Путь мой в осознанном своем устремлении — как стрела — прямой, как стрела — действенный.

Вопрос: Поэт — прежде всего человек и пишет о человеке. Что, по Вашему мнению, дала Октябрьская революция человеку?
Ответ: «Весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации; дух, душа и тело захвачены вихревым движением; а вихре резолоций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, формируется новый человек».

Вопрос: Поэт (так, во всяком случае, считают многие) должен быть вне политики. Каково Ваше мнение?
Ответ: «С какой же стати! Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм. Если мы будем вне политики, то значит — кто-то будет

только в «политике» и вне нашего кругозора и будет поступать как ему угодно».

Вопрос: Какова же в условиях революции задача художника? В чем основная обязанность художника перед обществом и человеком?
Ответ: «Дело художника, обязанность художника — видеть, что задумано. Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы живая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу».